

После той ночи обращение с Тун Цзыгэ стало гораздо лучше. Милость, которой его осыпали, поражала воображение: драгоценности и украшения нескончаемым потоком, подобно пестрым цветам, доставлялись в его покои.

Он сидел один в своих покоях. Повсюду вокруг него стояли шкатулки с изысканными шпильками и кольцами, которые завораживающе переливались в лучах солнца. Однако он лишь равнодушно смотрел на них, и в душе его не возникало ни единого всплеска чувств.

Как мог он, мужчина, любить подобные вещи?

Евнух Ся торопливо подошел ближе, поклонился, аккуратно поставил шкатулку на столик и с улыбкой, от которой его глаза сузились в полумесяцы, произнес:

— Благородная госпожа Тун, это личный дар Его Величества. Его Величество проявляет о вас величайшую заботу и специально велел старому слуге доставить это вам.

Тун Цзыгэ перевел взгляд на шкатулку, и в его душе зародилось сомнение. Когда он открыл крышку, перед ним предстал письменный набор «четыре драгоценности кабинета». Кисти были изготовлены из рога носорога, их теплый глянец украшали искусно вырезанные узоры; плитка туши источала тонкий благородный аромат; бумага была нежной, словно облако, а тушечница выглядела старинной и увесистой.

Хотя Тун Цзыгэ происходил из чиновничьего рода и повидал немало редких сокровищ, этот письменный прибор все же заставил его сердце дрогнуть от удивления.

Заметив, что лицо юноши не озарилось радостью, Евнух Ся заволновался, решив, что подарок пришелся не по душе.

Тун Цзыгэ поспешно взял себя в руки и, выдавив слабую улыбку, сказал:

— Вы неправильно поняли, евнух. Мне очень нравится этот дар. Пожалуйста, передайте Его Величеству мою глубочайшую благодарность за его великую милость.

С этими словами он слегка склонил голову. Только тогда Евнух Ся с облегчением вздохнул, угодливо закивал и попятился назад, покидая покои.

Тун Цзыгэ молча созерцал изящные письменные принадлежности. В его глазах отражалась гамма сложных чувств, а в душе воцарился полный сумбур, словно там опрокинули сосуд со всеми пятью вкусами. Различные переживания смешались воедино, повергая его в глубокое смятение и растерянность.

Ему было крайне трудно разгадать, какой тайный смысл скрывался за этим подношением Императора Цзун Тинлина.

И теперь, глядя на лежащие перед ним драгоценные принадлежности, он гадал: неужели Император действительно оценил талант, который он случайно проявил, или же это был очередной, еще более тонкий и коварный ход в придворной игре?

До того как попасть во дворец, Тун Цзыгэ отличался живым и жизнерадостным нравом.

Но стоило ему переступить порог императорских покоев, как он словно оказался в мрачной темнице, и все вокруг переменялось.

Во дворце его окружали лишь изнеженные женщины. Для него, мужчины, это создавало множество неудобств, поэтому в первую очередь он стремился скрыться от чужих глаз и ушей.

К тому же тайна его мужского пола висела над ним дамокловым мечом, готовым сорваться в любой миг. Это грозило бы ему полным бесчестием, а его семье — неминуемой гибелью. Под гнетом столь тяжкого бремени ему приходилось взвешивать каждый свой шаг.

Поэтому, за исключением обязательных утренних приветствий и наводящих на него ужас ночей, когда приходилось делить ложе с правителем, он целыми днями хранил молчание, практически полностью отгородившись от внешнего мира.

Изредка новоприбывшие наложницы, еще не знавшие истинного положения вещей, но прослышавшие о его небывалой фаворе, приходили к нему в надежде подольститься и завязать выгодное знакомство. Они приносили изысканные сладости или преподносили пышные украшения, расплываясь в заискивающих улыбках и расточая слащавые похвалы.

Однако Тун Цзыгэ прекрасно понимал, в какой опасности находится, а потому на любые попытки втереться в доверие отвечал мягким, но непреклонным отказом, не оставляя ни малейшей надежды на сближение.

Со временем по дворцу поползли слухи, будто в Беседке Цзиньшу поселилась настоящая глыба льда, к которой ни подступиться, ни подлизаться. Все недоумевали, почему Император дарует свою исключительную благосклонность именно ему, и тайне строили самые разные догадки.

Лекарю Сюю в обычные дни ход в эти запретные покои был заказан. Навещать Тун Цзыгэ для осмотра и проверки пульса позволялось лишь доверенному человеку Императора — Главному лекарю Кану.

Главный лекарь Кан провел в этих стенах не одно десятилетие; он повидал немало бурь и накопил огромный жизненный опыт.

Для него любые странности и интриги, творящиеся в императорском дворце, давно стали привычным делом, подобным плывущим по небу облакам, и ничто уже не могло его удивить.

Он полагал, что для Императора Тун Цзыгэ — всего лишь смазливый наложник, которого тот держит при себе в глубинах гарема.

Поэтому, когда Лекарь Сюй принялся обиняками расспрашивать его о положении дел у Тун Цзыгэ, Главный лекарь Кан невольно изумился.

Главный лекарь Кан слегка прищурился и, глядя на ученика, неторопливо спросил:

— С чего вдруг ты так им заинтересовался?

Лекарь Сюй заметно занервничал и поспешил угодливо улыбнуться:

— Учитель, ваш ничтожный слуга прослышал, что благородная госпожа Тун сейчас в величайшей фаворе и пользуется безграничной любовью Императора. Я подумал, что если мне удастся завязать с ней знакомство, то в будущем это облегчит мне жизнь во дворце, а может, и поможет продвинуться по службе.

Услышав это, Главный лекарь Кан на мгновение замер, перестав перебирать травы. Он поднял голову и, строго и предостерегающе посмотрев на него, медленно произнес:

— Эх, глупец, и не думай о подобном. В этих стенах погода меняется в мгновение ока. Неужели ты полагаешь, что сможешь так просто найти себе покровителя?

— Пусть благородная госпожа Тун и окружена заботой, она прежде всего любимица Императора. Мы — лишь лекари, наше дело — исправно исполнять свой долг, а не ввязываться в дворцовые интриги и дразги.

Лекарь Сюй с некоторой досадой возразил:

— Учитель, вы столько лет служите при дворе, ваше влияние огромно. Если бы вы замолвили за меня словечко, я бы прочно закрепился в Императорской академии медицины и смог бы облегчить ваши труды.

Главный лекарь Кан тихо вздохнул, поднялся из-за стола, подошел к ученику и похлопал его по плечу:

— Глупый ты еще и ничего не понимаешь. Здесь, во дворце, излишняя близость к любимицам Императора приносит лишь пустые подозрения и крупные неприятности.

— Наша Императорская академия медицины держится при дворе лишь благодаря лекарскому искусству и крайней осторожности. Усердно изучай врачевание и забудь об этих попытках подольститься. Держись подальше от тех, кто сеет смуту, только так ты сбережешь

собственную голову и не навлечешь беду на всю академию.

Видя непреклонность наставника, Лекарь Сюй хоть и остался при своем мнении, был вынужден покорно склонить голову и почтительно произнести:

— Слушаюсь, учитель. Ваш ученик прислушается к наставлению и выкинет эти мысли из головы.

Главный лекарь Кан удовлетворенно кивнул:

— Вот и славно. Ступай и больше не трать на это свои силы.

<http://bllate.org/book/22353/2342721>